

Разновидности косвенности в сложноподчиненных предложениях с придаточными объектными

Сложноподчиненные предложения с придаточными объектными (далее СППО) с лингвопрагматических позиций рассматриваются как **произнесенные** или **«помысленные»**, **«пережитые»** косвенные высказывания [Гундарева 2002: 4]. Оба вида могут содержать собственно косвенную речь, то есть передавать слова или мысли третьего лица, а могут цитировать в косвенной форме слова и мысли говорящего. Последний случай можно назвать **«несобственно косвенной речью»**. Формально он отличается от первого тем, что субъекты в главном и придаточном предложениях представляют одно лицо. Е.С. Гундарева называет форму высказываний, употребляемых в первом случае гетеро-, а во втором – моноперсональными предложениями [Гундарева 2002: 67-71].

К грамматическим средствам, обеспечивающим перевод прямой речи в косвенную, обычно относят средства связи (союзы и союзные слова), изменение порядка слов придаточного при его бессоюзном введении, изменение обозначений лица и локально-темпоральных наречий, изменение времени и наклонения глагола в придаточном предложении [Duden: 750 f.]. Лингвопрагматическая интерпретация позволяет высветить оттенки косвенности, связав их с ее формальными показателями, а также показать иерархию их функциональных ролей. Рассмотрим семантику и функции перечисленных средств создания косвенности подробнее.

В категориальной грамматике союз трактуется как *оператор*, придающий выражению статус придаточного [GDS: 2240]. Союзы, употребляемые в СППО, являются показателями относительности. С позиций семасиологии они представляют собой индексальные знаки, функция которых состоит как раз в изменении статуса вводимой языковой единицы. Собственно союзы (в немецком языке к ним относятся *dass* и *ob*) релятивируют некоторую дескрипцию ситуации [ср.: Гундарева 2002: 6], переводя ее в ранг придаточного предложения [GDS: 961]. Тем самым они ставят эту дескрипцию в позицию косвенной интерпретации чьего-то или собственного высказывания, чьей-то или собственной мысли, то есть в позицию вставного текста, или интертекста. Интуитивно это всегда ощущалось исследователями и отразилось на терминологии: в русской грамматике такие придаточные называются «дополнительными», что можно интерпретировать как «содержащие дополнительную информацию». Иногда эта информация оказывается более существенной, чем семантическое содержание главного предложения; тем не менее, их грамматический ста-

тус имеет подчиненный характер, так же как их прагматическая роль, согласно которой они интерпретируются как интертекст.

Грамматическая роль подчинительного союза выражена в немецком языке предельно ясно: изменение статуса предложения влечет за собой изменение порядка слов в нем. Не столь прозрачны семантические и прагматические изменения, поэтому их удобнее рассматривать в комплексе. Под семантикой придаточного объектного условимся понимать пропозитивное представление обозначаемой им ситуации, под прагматикой – роль, которую оно выполняет в отношении «говорящий – слушающий». Пропозитивное обозначение ситуации при переводе единицы в ранг придаточного предложения претерпевает изменения, подобные грамматическим: пропозиция утрачивает самостоятельность и переходит (за счет вводящего элемента) в позицию интерпретируемого факта или предположения. Таким образом, семантико-прагматическая роль союза сводится к модальному «переключению» вводимой им информации, которая подается либо как факт (с помощью союза *dass*), либо как предположение (с помощью союза *ob*).

Однако семантико-прагматические изменения на этом не заканчиваются. При включении в главное предложение информация придаточного классифицируется его предикатом, который распределяет ее на следующие основные области: высказывание (*sagen, fragen*), мысль (*denken*), знание (*wissen*), переживание (*fühlen, sich freuen*). Сфера действия семантики матричного предиката охватывает придаточное предложение, которое приобретает дифференциальные семантические признаки, формирующие оттенки косвенности. Е.С. Гундарева называет их модально-прагматическими оттенками косвенной суперструктуры [Гундарева 2002: 102]. Основными разновидностями косвенности она считает диктальную, ментальную, сенсорную, эмотивную, интеррогативную, дубитативную и оценочную. На наш взгляд, этот список можно расширить дифференциальным семантическим признаком «когнитивный», выделив его из ряда ментальных предикатов. Этот признак придается глаголом знания *wissen*. Следует иметь в виду, что даже приведенные выше «нейтральные» лексемы, такие как глаголы речи, мышления или знания, попадая в позицию матричного предиката, приобретают оттенок оценочности, поскольку участвуют в описанных выше преобразованиях. В индикативных предложениях оценочность нередко проявляется в употреблении в главном предложении частиц или специальных лексем, ср.:

...sie wusste nicht, **dass** ichs gesehen habe (Dame, 195); Sie wissen doch, **dass** es in einem solchen Fall kein Pardon gab (ebd., 184);

Im Zweifelsfall kannte man jeden und las an der Reaktion der Gegrüßten ab, **ob** die Vermutung zutraf (Paar., 10.)

Более сложные отношения складываются при относительном введении придаточного объектного. В роли операторов выступают здесь относительные средства введения, выполняющие грамматическую функцию союзных слов. Они изменяют категориальный статус вводимой ими единицы, переводя ее из разряда самостоятельного вопросительного в разряд подчиненного предложения [GDS: 2248]. Используемые относительные местоимения и наречия также относятся к индексальным знакам, сигнализирующим грамматико-категориальные изменения вводимой информации: изначально прямые вопросы переходят в разряд косвенных. Однако характер индексальности у союзных слов более сложный, чем у собственно союзов. К общей семантике индексальности, то есть в данном случае указания на зависимость вводимой информации, добавляется частная индексальная семантика, вытекающая из лексического значения союзного слова, которое, к тому же, в отличие от собственно союза, выполняет функцию члена предложения. Таким образом, индексальная семантика союзных слов оказывается контаминированной, состоящей из значений относительности (общей индексальности) и указания на темпорально/локально/модальные рамки осуществления действия или его объект в обозначаемой ситуации (частной индексальной семантики).

Частная индексальная семантика представляет собой указание на свернутую пропозицию, перешедшую из пресуппозиции говорящего или лица, о котором идет речь. Под пресуппозицией понимаем предварительное или фоновое знание, которое может вытекать из предтекста или быть обусловленным социокультурным контекстом. Ср. соответственно:

Im Vorbeigehen sah er Leute vor dem Anschlag stehen, auf dem Mina gelesen hatte, was ihrem Geld passiert war (Brunnen, 38); Tatsächlich begriff Johann nicht, wie man stundenlang Tonleitern spielen konnte (Brunnen, 33).

Частная относительность нередко имеет семантику неопределенности, что позволяет автору или рассказчику «не выводить на поверхность», то есть не эксплицировать пресуппозиции персонажа. Особенно это характерно для относительного местоимения *was*. С его помощью может даваться, например, неопределенная или обобщающая дескрипция чьих-то намерений или ситуации, которую кто-то не может себе объяснить. В таких случаях интертекстуальность имеет скрытый характер: местоимение обобщает чьи-то слова, мысли или чувства, которые не эксплицированы в предтексте; читатель может только «додумать» их. Ср.:

...im Haus musste Johann tun, was Josef befahl (Brunnen, 34); Was sie sagte, verstand Johann nicht... (ebd., 40); Kann einer, der nicht weiß, was Liebe ist, über diesen Gegenstand

überhaupt etwas in Erfahrung bringen? (Paar., 13); Eduard wusste selber nicht genau, was ihn seit einiger Zeit ins „tent“ zog (ibd., 13).

Как показывают примеры, индексальная семантика союзных слов контаминирует не только общую и частную относительность, но и отсылку к пресуппозиции, которая является одним из прагматических факторов. Иными словами, союзные слова, как и союзы, выполняют грамматическую и семантико-прагматические функции, но и та, и другая оказываются контаминированными. Грамматическая контаминация состоит в совмещении синтаксического сдвига (изменении ранга синтаксической единицы) с присвоением частного синтаксического статуса (члена предложения). Семантико-прагматическая контаминация совмещает значения объектности/обстоятельственности с отсылкой к прагматическим факторам, создавая еще один план интерпретации вводимой информации. Исходя из того, что индексальность «перевешивает» в семантике союзных слов фактивность, назовем разновидность косвенности, которую они формируют, **«индексальной»**.

Изменение грамматической категории предложенческой структуры имеет место и при бессоюзном введении придаточного предложения. Относительные и бессоюзные варианты рассматриваются как функциональные синонимы союзных придаточных, расширяющие комбинаторные возможности внутри этой подчиненной категории.

Косвенность бессоюзно вводимых высказываний нередко подтверждается употреблением конъюнктивных форм. Однако в современной литературе она может и не маркироваться наклонением. В таких случаях вводимая речь отличается от прямой только отсутствием кавычек. Тем не менее, она сохраняет, на наш взгляд, характер починенной косвенности. Бессоюзная косвенная речь употребляется, например, в произведениях, написанных от лица рассказчика в форме воспоминания. Рассказывая о прошлом, персонаж передает чужую речь в свободной форме, не связывая себя обязательством цитирования и вместе с тем показывая, что он близок к тексту оригинальной речи. Представляя будущее, он домысливает чужую речь. Возникающий при этом стилистический эффект сопоставим с описанным Р. Харвегом «эффектом вхождения» [Harweg 1972]. Персонаж либо «входит» в ситуацию, о которой он вспоминает, либо представляет «в лицах» какую-то ситуацию в будущем. Назовем эту разновидность косвенности **имажинарной**. Ср.:

Das, hatte Johann geantwortet, seien seine Lieblingsorten (Brunnen, 70); Die Gäste, sagte er, regen sich schon auf...(ibd., 68); Das wolle er ja, würde Alfred sagen...(ibd., 49); Johann stellte sich vor, Alfred...werde Mina...hochstemmen in die Luft...(ibd., 49); Er kam herein, lieferte das Netz in der Küche ab und sagte: Es ist etwas passiert (ibd., 48).

Особые оттенки косвенности создаются взаимодействием модально-темпоральных планов главного и придаточного предложений. Ее специфика определяется переключени-

ем фактивно-информативного или вопросительного модально-прагматического плана на гипотетически-дубитативный. Оттенок сомнения в истинности передаваемой информации придает употребление в придаточном объектном конъюнктива. Он может усиливаться, например, употреблением вводящего предиката *behaupten*. Ср.:

...aber Johann glaubte, dass er dem Vater näher sei (Brunnen, 41); ...niemand...hätte ihr unterstellen können, sie habe was mit ihm (Dame, 191); Was daran merkwürdig sei, gab er zurück (Paar, 13);

Manche Stammgäste behaupteten, dass er, aus unerfindlichen Gründen, den Frauen gefalle (Paar, 12).

Гипотетический оттенок возникает при футуральной ориентации информации придаточного или при введении в матричное предложение оператора отрицания. Футуральная ориентация создается употреблением кондиционалиса, модальных глаголов. Оттенок гипотетичности усиливается употреблением модальных слов со значением предположения. Ср.: *...danach...solle er...Frau Metzger Gierer fragen, ob er noch für eine Mark Schüblinge bekommen könne (Brunnen, 48); Wahrscheinlich wusste sie nicht, dass Großvater das Haus gezeichnet und gebaut hatte (ebd., 38).*

Таким образом, морфологические средства приобретают в контексте СППО синтаксические и семантико-прагматические функции. Их синтаксичность проявляется в синтагматической связанности с главным или придаточным предложением; семантико-прагматические функции проявляются через участие в создании модально-прагматического плана.

В заключение наметим иерархическое соотношение различных семантико-грамматических показателей косвенности в СППО. Важнейшим из них является оператор связи, придающий высказыванию статус косвенности. Разновидности статуса определяются соотношением субъектов главного и придаточного предложений: в гетероперсональных предложениях имеет место собственно косвенность, в моноперсональных – несобственно косвенность. При бессоюзном введении роль грамматического организатора берет на себя порядок слов в сочетании с семантикой матричного предиката. На этом уровне происходит первичная классификация косвенных высказываний на **фактивные** (союз *dass*), **индексальные** (относительные местоимения и наречия), **имажинарные** (бессоюзное введение) и **гипотетические** (союз *ob*). Эти базовые классы разбиваются на подклассы в соответствии с семантикой предикатов главного предложения, позволяющей различать диктальную, ментальную, сенсорную, эмотивную, когнитивную, оценочную и интеррогативную косвенность. Модификации перечисленных оттенков возможны с помощью оператора отрицания, способного переводить фактивную косвенность (со всеми ее

семантическими подклассами) в соответствующую гипотетическую. Функцию дальнейшего различения оттенков косвенности принимает на себя семантика и морфология финитного глагола в придаточном предложении: конъюнктив придает оттенок дубитативности, прошедшие времена глагола создают оттенок фактивности, его футуральная ориентация формирует оттенок гипотетичности.

Библиография

Гундарева Е.С. Сложноподчиненное предложение с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики: Дис. ...канд.филол.наук. Самара, 2002, 132 с.

Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von der Dudenredaktion. Bearbeitet von P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sitta u. H. Wellmann. 6., neu bearb. Aufl. – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag 1998, 912 S.

Grammatik der deutschen Sprache (GDS) von Gisela Zifonun, Ludger Hoffmann, Bruno Streckert und Joachim Ballweg, Ursula Brauße, Eva Breindl, Ulrich Engel, Helmut Frosch, Ursula Hoberg, Klaus Vorderwülbecke. – Berlin. New York: Walter de Gruyter 1997, 2569 S.

Harweg R. Zur Textologie der dass-Sätze // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik 1972 / Bd.1, S. 77-97.